

Сухроб ШАРИПОВ: «Эта армия не Хайруллаева, а таджикской нации»

Директор Центра стратегических исследований при президенте РТ - о ситуации вокруг событий в Раште, о конфликте между таджикскими журналистами и силовыми структурами страны.

- Как вы считаете, какой должна быть позиция СМИ в сегодняшней ситуации в Таджикистане?

- Патриотичной! СМИ - это не узкая корпорация отдельных лиц. Задачи СМИ очень обширны, и ответственность очень велика - и перед государством, и перед нацией. Однобокое освещение всегда является определенным недостатком, непрофессионализмом, ангажированностью СМИ.

В какой-то момент очень позитивным шагом было то, что мы смогли заключить мирное соглашение с оппозицией, и наше общество начало исправлять ситуацию, для того чтобы обеспечить стабильность развития государства. Ведь все, кто хотел сложить оружие, - они сложили. Есть сотни примеров, когда авторитетные полевые командиры занимаются бизнесом, занимаются своим делом, они отошли от гражданской войны и не хотят больше возвращаться к этому. И я считаю, что государство в этом смысле ответственность чувствовало, несколько раз объявляло о помиловании тех или иных отдельных групп и оппозиции, и Народного фронта, которые так не могли адаптироваться к условиям мирной жизни.

В конце концов, в 2001 году, те силы, которые не соглашались, пытались противостоять, были ликвидированы, а более радикально настроенные силы ушли в Афганистан и воевали там именно на стороне талибов и на стороне различных радикальных экстремистских организаций, в том числе ИДУ.

В принципе, государство в лице президента пошло навстречу некоторым нашим полевым командирам, например Ахмадову в Раште. Ему не раз была гарантирована нормальная жизнь при условии, что он будет соблюдать законы Таджикистана. То есть все, что сейчас происходит на востоке Таджикистана, это дело не одного дня. Кроме того, давно поступала информация о том, что силы талибов и движение ИДУ закрепились в северных провинциях Афганистана.

Побег из СИЗО 25 преступников - не просто эзков, а тех, кто серьезно готовился за рубежом в террористических организациях - это был сильный удар по нашим спецслужбам. Второй удар - это худжандский теракт. И в этот момент - операция в Раште. Несмотря на то, что эта спецоперация готовилась раньше, планировалась зачистка территории, как в прошлом году в Тавильдаре. Но эти события шокировали наши структуры, несколько снизилась их дееспособность. Но я хочу похвалить их за то, что они быстро пришли в себя.

Я считаю, что все эти события являются звеньями одной цепи. Главный экзамен, который сейчас стоит перед Таджикистаном: мы должны пройти этот тяжелый момент, с точки зрения того, способны ли наши вооруженные силы, пограничники самостоятельно противостоять различным террористическим группировкам. Думаю, очень скоро службы правопорядка возьмут ситуацию под полный контроль.

- А почему именно сейчас все это вылилось, ведь вы говорите, что конфликт тлеет не один год, он длился уже десятилетие.

- О том, что планируются какие-то акции со стороны террористических организаций, информация была давно. Другое дело, что именно перед зимой, перед тем как закроют перевалы, они решили проверить устойчивость таджикского государства. Таджикская армия молодая, и это армия не Рахмона, и не Хайруллаева, это - армия таджикской нации, таджикского государства, и её надо защищать. Во всех государствах, где проходят такие операции, народ всегда становится на сторону армии, на сторону вооруженных сил, помогает, морально поддерживает их; у нас же - непонятно что происходит.

- То есть вы считаете, что СМИ не поддерживают нашу армию морально?

- Я считаю, что они, возможно, ставят законные вопросы перед руководством государства. Но не в тот момент! Сегодня не тот момент, чтобы ставить вопросы, сегодня надо помогать, чтобы уничтожить поскорее террористов, поднимать моральный дух ребят. Это не Махачкала, где окружили домик и уничтожили; это не Москва; это высочайшие горы мира, тысячи и тысячи нор они там себе сделали ещё со времён гражданской войны, и, я считаю, очень сложно в этих условиях искать горстку людей из 100-200 человек. Они выскакивают как змеи из своих нор, жалеют и прячутся. Но это временно. Рано или поздно они будут вынуждены выйти из своих нор - и будут уничтожены.

А тут ещё СМИ начинают давить, что тут есть проблемы, там - проблемы. Конечно, проблем много, но как их решить сиюминутно на данном этапе? На данном этапе необходимо сосредоточиться на полной безопасности всей территории республики.

- А как же закреплённая в Конституции свобода слова?

- В таких условиях, в которых сейчас оказалось наше государство, может начаться откат от свобод, от демократии. То есть начинается борьба между символом свободы и символом хлеба, и в таких условиях, как говорил ещё в конце 19 - начале 20 века Бердяев, жертвуют символом свободы. Люди ведь как думают: обеспечьте наши минимальные потребности, и делайте, что хотите - запрещайте СМИ, уничтожайте свободу слова, ограничивайте партии, но дайте нам хлеба!

Сейчас у нас такая же ситуация. И не надо подстегивать определенные силы чиновничьего аппарата, который сам ещё в полной степени не обладает политической, демократической культурой, не надо их провоцировать на то, чтобы ограничивалась свобода слова. И государство имеет на это полное право. Оно вправе на законных основаниях делать все, что необходимо для того, чтобы обеспечить безопасность и стабильность в стране.

У нас очень слабое понимание демократии в обществе, нам ещё многое предстоит сделать для демократического развития в Таджикистане. И сам президент не раз говорил об этом. Мы находимся на пути построения демократического государства. По-научному это звучит так: мы находимся на стадии перехода от тоталитарных методов руководства страной, которые пока почти не изменились, к демократическим нормам и ценностям.

«Никто кроме горстки интеллигентов не будет против диктатуры»

- Но как сама власть понимает демократию?

- Власть понимает демократию с точки зрения обеспечения тех задач, которые перед ней стоят; насколько хорошо обеспечиваются эти задачи, настолько больше свободы в обществе, насколько больше проблем появляется, настолько ограничивается. Мы традиционное общество, у нас, если будет диктатура, никто против выступать не будет, кроме горстки интеллигенции и журналистов, которых объявят диссидентами и выгонят за рубеж. И будет как в Узбекистане - все под контролем, и никаких проблем! И все международное сообщество с ним сотрудничает. Самое главное, что обеспечена стабильность в стране и регионе. Но мы не хотим возвращаться в авторитаризм.

В обществе, и власть сама также, демократию понимают с точки зрения тех законов, которые мы приняли. Они демократичны? В основном да, они прошли экспертизу. Но закон законом, а как этот закон трансформируется через сознание человека и реализуется в обществе? Коран - это священная книга, там все написано правильно, но почему столько бедствий в мире, в мусульманских странах, почему нет справедливости в мусульманском мире? Потому что Коран проходит через голову мулл, имамов, всех тех, кто реализует эти идеи. Поэтому и получается неравноправное, неравномерное отражение абсолютных идей Корана. То есть абсолютные истины проходят через человеческое сознание и совершенно неадекватно отражаются.

- Вы хотите сказать, что то же самое происходит с законом и каждый его трактует так, как ему это выгодно?

- То же самое - с законами. Судья выносит несправедливое решение - ведь в чем-то он находит свои субъективные пристрастия в отражении закона. В законе все написано, что можно сделать А, Б, В, Г, он берет А, не Г, то есть то, что ему ближе, а вы считаете правильным пункт В. Уже несправедливость, несостыковка получается. И я считаю, что Таджикистану, чтобы понять суть свободы в целом и демократии в частности, нужны еще два поколения. И поэтому, когда мы говорим: дайте нам свободу, - у нас в Таджикистане созданы условия для демократии с точки зрения законодательных норм. Другое дело - с точки зрения реализации этих норм.

- А как же в других странах? Нашли ведь там состыковку.

- Почему нашли? В других странах тоже происходят суды. Например, в Польше самые большие искивые заявления - к СМИ, десятки тысяч процессов проходят в Польше по соблюдению прав свободы, ущемлению чести и достоинства со стороны СМИ. Но и для этого необходимо развитое гражданское общество, а где вы видите у нас гражданское общество? Институты есть, какие-то формы, а содержание? Формы - для того чтобы выжить, где-то грант получить... А в голове пусто.

Поэтому когда мы говорим о системе как о демократии, именно о политическом образе жизни, здесь очень много нюансов и компонентов, которые в принципе у нас ещё не зарождались, и ни в одной стране эти принципы не приживаются просто так по желанию властей или СМИ.

И я считаю, что здесь вопрос консенсуса, то есть определенного договора, как и везде договариваются соблюдать какие-то правила игры - между СМИ, допустим, и министерством обороны. Вы говорите об одном и том же, может быть, но разные акценты ставите: те понимают по-своему, вы говорите со своей колокольни. Конечно, я считаю, амбиции министра не должны мешать развитию свободы слова в Таджикистане, но и амбиции СМИ тоже не должны мешать устойчивому развитию Таджикистана как стабильного государства, мешать борьбе с международным терроризмом. Вот здесь необходимо найти определенный консенсус, сесть и поговорить, о чем речь идет вообще. Я думаю, выход найдется очень быстро, потому что цель одна у всех - все хотят стабильности. Разве СМИ защищают террористов? Нет. А при чем здесь тогда обвинение в том, что вы пособничаете? Но в данной обостренной эмоциональной атмосфере, когда делаются всякие акценты, полутона, вопросы провокационные ставятся, министр это понимает как пособничество.

Вообще, слово «терроризм» имеет более 200 определений, и в одном из определений можно найти, допустим, то, что пособничеством является дестабилизация или информация, которая вызывает панику в обществе. Но это не значит, что их надо применять конкретно в этой ситуации. Наши СМИ - отражение культуры нашей нации, и ничего нового я здесь не увидел. Да, запаниковали, да, опасения были, немного завышенные. И это нормально, лучше в набат бить, чтобы предпринимались экстренные меры, чем тихо сидеть, и потом пожар разгорелся бы по всей стране.

Но в таких случаях правительство должно находить алгоритм, и многие претензии СМИ я принимаю. Да, необходимо было создать единый информационный центр. Но это первый серьезный экзамен, можно сказать, после 2005 года, когда государство начало нормально, устойчиво развиваться.

- Но четкой позиции со стороны властей мы так и не услышали - что именно они хотят...

- В этом контексте я считаю, что в принципе позиции очень близки - и СМИ, и министерства обороны. Мы хотим одного - спокойствия, стабильности и побыстрее чтобы проблема разрешилась. Но методы подачи информации здесь разные, даже у самих газет: у кого-то вопросительная, ироничная, категоричная. Но в данном случае, я думаю, если бы официальные лица регулярно были бы в контакте в эти моменты с журналистами, постоянно вели бы с ними определенную работу по передаче информации и так далее, то ситуация не дошла бы до такой крайности.

«Патриотичность - это более глобальное понятие...»

- Почему же тогда нас обвинили в однобокости при подаче информации?

- Это субъективный фактор, здесь сейчас больше эмоций. Понятно, погибло столько наших ребят - пусть земля им будет пухом, - и эмоции берут верх. Но я считаю, что мы должны немножко остановиться, конструктивно посмотреть на эту ситуацию - и СМИ, и министерство обороны. Нас ничто не должно разделять в этой ситуации, цели одни. Закон дает право журналисту обладать этой информацией и дает право министерству говорить эту информацию. Именно министерство обороны должно определить степень ограничения той информации, которую оно даёт. То есть правила должны задавать именно министерство обороны и государство.

- А сокрытие данных о погибших военнослужащих тоже попадает в ранг информации, которая может помешать проведению спецоперации?

- Нет никакого сокрытия данных, они появляются по мере опознания тел.

- Официально мы получили информацию только один раз, в самом начале. Все остальные данные о погибших военнослужащих приходится добывать через собственные источники. Мы уже не требуем подробностей спецоперации, дайте просто точные данные о погибших. Ведь они есть, и такую информацию все равно не скроешь.

- Вообще, этих ребят как героев надо чествовать, для того чтобы их имена не были забыты. Министерство обороны должно давать такие данные в первую очередь. Народ должен знать, что идет серьезная операция, тяжелая, в горных условиях, и что наступающие теряют больше, чем защищающиеся.

Но здесь просто может быть и ментальность советская, переходная, вот она-то и ограничивает свободную подачу информации. В принципе, мы должны говорить о наших проблемах, о проблемах в армии и системе безопасности. Можно будет говорить чуть позже, и может, это действительно не послужит и не укрепит моральный дух государства, но отражать то, что происходит, мы обязаны, и не один раз в неделю.

- Еще один вопрос, который поднимают все наши читатели и который давно стоило поднять: почему в стране не был объявлен день траура по погибшим военным?

- Я думаю, что день траура будет после окончания операции. Это обязательно надо сделать. Я считаю, что этих героев надо пофамильно увековечить. Операция еще какое-то время продлится, но после ее завершения обязательно будут дни траура. Но я согласен, мы сразу же упустили этот момент, после трагедии в Камаробе это вполне напрашивалось. Мы не смогли быстро среагировать.

- Вы сказали, что СМИ должны быть патриотичными. А что это значит?

- Патриотичные – это не значит – защищать какого-то чиновника или ругать этого чиновника. Патриотичность – это более глобально понятие, чем одно министерство или одно ведомство. Патриотичность – это защита родины, сохранение стабильности, не паниковать, чтобы не создавать возможность для дестабилизации общества. Патриотичность – это видеть истинную цель определенных акций, которые у нас происходят.

У нас есть одно государство, независимо от того, какое правительство у власти, любите вы его или нет. Это государство наше, это государство, в котором живут миллионы. И мы должны способствовать, чтобы это государство, эти вооруженные силы, эти структуры безопасности всегда жило нормально.

- То есть если бы журналисты сейчас промолчали, не «паниковали», они бы повели себя более патриотично?

- Я не судья, я не могу оценить. Я лишь высказал своё впечатление. После чтения некоторых газет у меня возникло такое мнение, что вот-вот война начнется. Это моё мнение, но может, это и есть патриотизм – вы дали сигнал, что надо предпринять решительные меры для того, чтобы пресечь это, чтобы не допустить войны.

Но я могу понять, какой логикой руководствуются наши чиновники на данном этапе, это логика мощного стресса и определенных недостатков, все это выливается в какие-то эмоциональные неадекватные действия некоторые чиновников. Поэтому если у нас проблемы, мы должны их решать вместе.

Армия живет за счет налогов, которые обеспечиваются населением Таджикистана, и мы вправе знать, что там происходит, какие дела там происходят и как они собираются обеспечить нашу безопасность. Это естественный вопрос. Мы все понимаем, что бывают секретные материалы, но есть вещи, которые необходимо наработать практически, например: связь с журналистами. Конечно, сейчас, например, небезопасно везти журналистов в Рашт, чтобы все показать, но в любом случае мы должны находить методы для того, чтобы вот в таких форс-мажорных ситуациях и представителям СМИ, и власти находить взаимопонимание. Произошла ситуация – создали пресс-центр, который бы оперативно собирал и распространял информацию. Есть возможность отвезти и показать – везите, пусть журналисты посмотрят, пообщаются с солдатами, с народом. Я думаю, со временем это все улучшится, это первый такой блин комом. Я думаю, и министерство не должно это доводить до суда, и СМИ не должны руководствоваться амбициями. Мы должны найти общий знаменатель, согласие и работать, каждый в своей сфере, профессионально. Профессионально – ради той идеи, о которой мы говорили, ради родины, патриотизма, демократии.